

Опубликовано 17 сентября 2014 г., 14:23

ПОВЕСТЬ О ПРОШЛОМ. СУНГУЛЬ.

(окончание)

Аргента Титлянова

Окончание. Начало в №№32-36.

Работа затянулась. Шестого ноября в 12 часов ночи мы должны были отправить в Москву контейнер со всеми «продуктами». Курьеры уже приехали. В клубе шёл предпраздничный вечер, сотрудников награждали грамотами, потом должны были быть концерт и танцы. А мы с Ирой в шесть часов вечера внесли и выпарили последнюю каплю раствора. Осталось вытащить ампулу и сдать её бригадиру. Пусть её закрывает, измеряет общую активность и вручает курьеру. Пытаемся извлечь ампулу щипцами. Вставлялась она легко, а теперь не вытаскивается. Понимаем, что под влиянием нагревания лампой свинец потёк и фактически замуровал ампулу. Вызываем бригадира, он является уже подвыпивший и весёлый. Мы, злые и усталые, объясняем ситуацию. Бригадир полон радужных надежд: «Это мы шас!». Притаскивает ящик с инструментами, пробуем одно, другое, – ампула не даётся. Кошмар! Слава богу, никто не кричит друг на друга «О чём вы думали раньше?» «Надо вырезать», – говорит бригадир, берёт в руки нож, встаёт на табурет, перегибается через свинцовую защиту так, что его голова, плечи, грудь оказываются под излучением одного юри, и начинает вырезать ампулу из свинца. Готово. Теперь надо очистить верх ампулы, там, где закрепляется крышка. После нескольких попыток и это сделано. Крышка закрывается. Теперь надо отмыть поверхность ампулы, что мы с Ирой и делаем под защитой, мы ещё раньше оттренировали это действие. Вызываем радиометрическую службу, измеряется активность ампулы – ровно один юри. Ампула вставляется в контейнер, бригадир вызывает курьера, они пишут акт сдачи-приёмки, и в девять часов вечера мы освобождаемся. Нам с Ирой уже никуда не хочется идти, но бригадир нас убеждает. Мы долго-долго моемся, сушим волосы и, не заходя домой за туфлями, идём в клуб. Да мы и не собираемся танцевать, хотя музыка звучит и звучит так зазывающе. Мы очень устали. Снимаем пальто, и кого мы видим первым? Рыжего! Он деловито говорит «пошли» и ведёт нас не в зал, а в какую-то комнату, где на столе, покрытом газетой, стоят несколько бутылок водки, банка бычков в томате и лежит черный хлеб. «Как всегда, закуски до чёрта, а выпить нечего», – передразниваем мы Рыжего и заявляем, что смертельно хотим есть. Но Рыжий уже налил и требует выпить – «лекарство». Что делать? Пьём! Тут открывается дверь и входят Симон, Ида и Юра с огромным количеством разных бутербродов, купленных в праздничном буфете. Мы с Ирой смотрим друг на друга, и на глаза у нас наворачиваются слёзы. Кто-то приходит ещё, что-то говорят, смеются, а мы – Ира, бригадир и я, – просто сидим, окружённые теплотой и дружбой, и боимся встать – видимо, нас уже ноги не держат. «Ну, за первый в стране точечный источник-излучатель, – говорит кто-то из ребят. – Вы хоть понимаете, девушки, что вы сделали?» Даже сегодня я не могу оценить – что же мы сделали. Действительно что-то важное для медицины? Или никому не нужную штучку, отнявшую у нас столько сил и здоровья? Но в тот вечер в кругу ребят, каждый из которых, решая свои задачи, подвергался облучению, проклинал эту паршивую контору и притом работал на совесть, мы довольны собой и, может быть, даже горды, когда все друзья встают и поднимают тост за русских женщин.

О ДРУГОМ

Видимо, благодаря полковнику Уральцу на объекте были созданы условия для отдыха. Были волейбольная площадка, были байдарки, лодка и даже яхта. Конечно, по озеру недалеко от берега шла граница, которую нельзя было пересекать. Но для купания и плавания на байдарке, которые мне очень нравились, места вполне хватало. Но яхта! У нас была команда и тренер (то

самый австриец, который открыл протактиний), и капитан – молодой технолог. На каждый выход яхты требовалось получать специальный пропуск, постоянного не выдавали. А ветер дует сам по себе, и чаще всего – ранним утром. Вот наш капитан и придумал уловку. В пять утра звонит по телефону начальнику по режиму, а паче тот не отвечает, то бьётся в дверь и просит пропуск – ведь нельзя упускать ветер! Через некоторое время, измученный ранними подъемами, начальник выдал нам, наконец, постоянный пропуск. Мы могли, заранее оформив пропуск, съездить в посёлок Касли, знаменитый своим чугунным литьём. Мы могли уезжать в отпуск, к нам могли приезжать родители. Хотя это и требовало длительного оформления, но было вполне реальным. Кажется, ничего особенного. Но я ненавидела секретность, пропуска, разрешения, проштампованные страницы рабочих журналов, предъявление любой бумажки, на которой записаны, скажем, результаты титрования раствора. Я ненавидела бесконечные вызовы то одного, то другого сотрудника к начальнику секретной части «для беседы». Но больше всего я ненавидела «прослушку». Мы даже до одного случая и не знали, что слушают наши домашние разговоры на кухне (а может быть, не только на кухне!). Запрещалось личным порядком передавать письма с объекта на объект. А тут кто-то привёз Юле письмо от подруги с другого объекта. И вот в кухне, где мы готовили ужин, Юля рассказывала, кто на ком женился там, откуда пришло письмо. Мы на кухне были вчетвером, никто никуда не выходил, и потом мы вместе сели за стол. Вдруг звонок – Юлю вызывают к начальнику по режиму. Там она получает нагоняй за нарушение режимных правил, и от неё требуют принести письмо. Письмо она приносит и получает соответствующий выговор. Мы ужасаемся, что нас прослушивают, и ахаем, пока Ирина Петровна спокойно не объясняет, что прослушивают везде и всех, даже дур вроде нас. Видимо, именно секретность всё время угнетала меня на объекте. Вот я даже не помню, как мы одевались, что носили. Помню лишь халаты, казённое бельё, резиновые перчатки. Правда, есть одно светлое воспоминание. В магазине я купила шёлковое вышитое бельё немецкого производства. Ничего подобного я до этого не видела. Я долго его носила и берегла. На объекте не читали стихов. Я очень удивилась, когда Ирина Петровна, гуляя со мной по берегу озера, вдруг произнесла: «Ты помнишь? В нашей бухте сонной спала зелёная вода, когда кильватерной колонной вошли военные суда». Оказалось, она знает и любит Блока. Это было большим утешением для меня – зимним вечером зайти к Ирине Петровне и залезть в кресло. Ирина в пуховой шали, такая домашняя, брала томик Блока, и мы читали вслух. У меня был Пушкин, и мы тоже его читали – тёмными вечерами зимой и сидя на балконе – светлыми ночами летом. Я помню ещё июнь 1953 года, когда по радио передали об аресте Берии. Все слушали, по всему объекту были включены радиоприёмники. Удивлялись, почему это он – английский шпион. Я опять не верила этой сказке. Ясно, что в ЦК шла борьба. Шёпотом передавали, что Берию арестовал Жуков. Жукову верили. Верили и надеялись, что многое изменится, и жизнь станет светлее и лучше. Так оно, в целом, и оказалось. А потом, в начале 1955-го, на объекте появились какие-то красивые молодые капитаны с необычными погонами. Они лазили по всему объекту, катались на байдарках и пили с нами чай. Мы голову ломали, кто они такие. Оказалось, люди Главного конструктора, которому приглянулся наш объект. Главным конструктором без указания имени называли в газетах и по радио С.П. Королёва. Через некоторое время мы узнали, что наш объект расформируют. Химики едут в Челябинск-40, биологи – в Уральский филиал АН СССР или в какое-то Миассово. Я была замужем за биологом, моя судьба решалась сама собой. Уехать совсем от секретности, замкнутости, подозрительности! Но вот от радиации я уехать не могла. Я и вошла в лабораторию Тимофеева-Ресовского как химик, который будет готовить растворы для биологов. Это я умела делать. Но ведь не только это? Там посмотрим! Прощаюсь с Идой, Юрой, Симоном, Федей, Ирой, Кларой, Заборским, Чирковым и со всеми другими химиками. До свиданья, мои дорогие друзья и коллеги. Спасибо вам.

ВМЕСТО ПОСТСКРИПТУМА

Я легко и весело писала свои воспоминания – «тетрадки» – о других периодах моей жизни. Я не понимаю, почему мне так трудно было писать о моём прошлом на объекте. Что-то загадочное случилось со мной и моими героями. Люди из других «тетрадок» если не живут сейчас рядом со мной, то превратились в воспоминания, в портреты, в плоские фигуры... Когда же я писала о Сунгуле, мои герои вдруг ожили. Я отчётливо вспоминала их лица, жесты, походку, разговор, смех. Они окружали меня. Вот Ирина Петровна в длинном шёлковом синем халате, сидя у балкона,

закуривает папиросу и задумчиво смотрит на голубой дымок. Вот Ида заправляет всё время выбивающийся локон под белую шапочку с кассетой. Симон задумчиво глядит на свою сложную установку для отгонки рутения и опять улучшает и упрощает её. Федя что-то тщательно измеряет в вытяжном шкафу. Юра нежно успокаивает меня, когда я вижу фиолетовое свечение. А я вижу его до сих пор, слышу голос Рыжего, смех Заборского и удаляющиеся голоса Иры и Клары, идущих по коридору в корпус И. Эти люди восстали из прошлого, как живые. У меня перехватывало горло, было трудно дышать и трудно писать. Я потом долго думала, почему именно это прошлое оживило. Видимо, кампания «Самара – качай воду» с её скрытой опасностью, полной свободой деятельности, уверенностью друг в друге, немедленной помощью тому, кому она была нужна, создала из нас не просто команду, а людей одной крови – братьев и сестёр. Мы любили друг друга, как любят самых дорогих и близких. А Ирина Петровна с её спокойствием и бесстрашием каким-то мистическим образом возвращала нам силы и мужество, когда мы уставали до последнего предела, когда кого-нибудь из нас охватывала паника или недоброе предчувствие, когда мы теряли веру в себя. Очень глубокие чувства имеют особую природу, таинственную, неясную мне. Они проникают в нашу память не как мысли, а как образы, и хранятся в особом отсеке мозга, где прошлое, настоящее и будущее слиты и неразличимы. И только в особые минуты прошлое из этих как будто накрепко закрытых отсеков вдруг вырывается и оживает. Вот тогда перехватывает горло и становится трудно дышать.

будущее слиты и неразличимы. И только в особые минуты прошлое из этих как будто накрепко закрытых отсеков вдруг вырывается и оживает. Вот тогда перехватывает горло и становится трудно дышать.